

75617 2/1
П Р Е Б Ы В А Н І Е

Б О Ж І Е

В Ъ

ЧЕЛОВѢКЪ ХРИСТІАНИНЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ Типографіи Іос. Іоаннесова, 1891 года.

Отъ Цензурнаго Комитета, учрежденнаго
при Санктпетербургской Духовной Академіи,
напечатать позволяется, съ тѣмъ чтобы, по
напечатаніи, доставлено было въ Комитетъ
шесть экземпляровъ въ переплетѣ.

27 Іюня 1819 года.

*Духовной Академіи Профессоръ, Священникъ
Герасимъ Павскій.*

ПРЕБЫВАНІЕ БОЖІЕ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ ХРИСТІАНИНѢ.

Не можно, говоря о Религіи, не сожалѣть, что между толкимъ множествомъ послѣдователей ея, столь малое число разумѣетъ истинный духъ оной. Иные полагаютъ оную въ знаніи нѣкоторыхъ догматовъ и правилъ, и все, что могутъ сказать о своей Религіи, заключается въ томъ, что они того, или другаго исповѣданія и принадлежатъ къ одному изъ тѣхъ раздѣленій, которыхъ, по несчастію, столь много находится въ Христіанствѣ; другіе полагаютъ Религію во внѣшнемъ человѣкѣ, въ постоянномъ исполненіи наружныхъ обязанностей или обряднаго благочестія; ежели они живутъ въ мирѣ съ ближними, презвенно, поснѣясь, ходя въ церковь, молясь въ назначенные часы, а иногда проспираютъ руку помощи къ бѣднымъ, то думаютъ, что тѣмъ исполнили весь долгъ свой. Другіе еще полагаютъ всю Религію свою въ восхищеніяхъ, въ пламенныхъ чувствахъ и восторгахъ; они все стараніе прилагаютъ къ тому, чтобы молиться пламенно, восхищаясь мысленнымъ созерцаніемъ небеснаго царствія и быть разпространенными умилительными выраженіями, коими они взываютъ ко Спасителю своему, такъ что увѣряютъ сами себя, что любовь ихъ къ Нему неограниченна; — и потому совершенно увѣряются во спасеніи своемъ, почитая сіе главною благодатію Христіанства.

Такимъ-то образомъ сіи знаки благочестія принимаются за истинную Религію, когда они не иное что, какъ средства къ достиженію оной, или частныя и не всегда истинныя свидѣтели ея. Въ сихъ видахъ часто самый порокъ и нечестіе называютъ себя симъ великимъ именемъ. Не говоря о лзычникахъ,

кои угождали богамъ своимъ всякими сквернами, много шаковыхъ Христіанъ, копорые свящаютъ пороки свои и славятъ вредныя склонности свои; коихъ грубый нравъ и суровая гордость должны почитаться Христіанскою снрогостію; коихъ гнѣвъ и гоненіе враговъ своихъ называется святою ревностію; коихъ прошивленіе начальникамъ и неповиновеніе правнтелямъ выдаются за Христіанскую рѣшимость и швердость.

Что есть Релнгія?

Релнтія, безъ сомнѣнія, во всемъ пропнвна сему вышеупомннутому мнѣнію. Тѣ, кои ее истннно знаютъ, нмѣютъ объ ней другія понятія; они презираютъ всѣ шаковыя подражанія ей и ложные виды; они изъ опыта знаютъ, что истннная Релнтія есть соединеніе души съ Богомъ, истннное сопрнчасіе Божественнаго естества Его, самый Образъ Божій, начертанный на душѣ; или, по словамъ Апостола, Самъ Христосъ живый въ насъ; кратко сказать, я не могу лучше изобразнть свойства Релнтіи, какъ назвавъ ее Божественною жизнью. И подъ снмъ нзреченіемъ я буду объ ней говорить, показавъ вначалѣ, почему называю жизнью, и почему Божественною.

Непрерывность и швердость Релнтіи.

Я называю Релнтію жизнью, первое, по ее непрерывности и швердости. Релнтія не есть стремнтельное пламя или страхъ души, хотя бы чувства ее доходили до высшаго восхищенія и доводили бы человека до высочайшихъ совершенствъ. Страхъ можетъ скоро поставнть, по вѣднмому, на путь благочестія человека и не убѣжденнаго въ необходимости шруднться во спасеніе свое; но долго ли сіе продолжается? Упадаетъ стремнтельность его — и онъ останавливается; пыл-

кость и жаръ его охлаждаетъ; онъ возрастаетъ сильно и высоко, но вскорѣ иссыхаетъ, потому что не имѣетъ корени самъ въ себѣ. Таковыя сильныя порывы не могутъ долго продолжаться, какъ бы снремишельны ни были; чувствія же святыхъ, истинно вѣрующихъ душъ, постоянны и правильны; онѣ происходятъ отъ непрестаннаго и живаго источника. Правда, что духовная жизнь не можетъ продолжаться всегда въ одинаковой силѣ и возрастѣ; она подвержена частымъ и достойнымъ сожалѣнiя слабостямъ; самые благочестивые Христiане иногда съ величайшимъ трудомъ пропиваются искущенiямъ и съ хладнымъ равнодушиемъ исполняютъ должности свои; но жизнь духовная въ нихъ не угасла и они не покорены власти тѣхъ злыхъ и порочныхъ страстей, коими увлекается Свѣтъ вообще.

Религiя можетъ еще наименоваться жизнiю потому, что она есть внутренняя, свободная и самодѣйствующая сила, — и тѣ, кои въ ней нѣсколько уже успѣли, не управляются одними внѣшними причинами, не влекутся едиными угрозами, не прельщаются обѣтованiями и не принуждаются законами, но внутреннiя побужденiя сердца наклоняютъ ихъ ко всему благу, исполняя радостью по содѣланiю добра. Любовь, которою исполненъ благочестивый человекъ, къ Богу и добру, не столько происходитъ отъ дѣйствiя закона, повелѣвающегоъ ему сiе, сколько отъ возобновленнаго естества его, научающаго его и побуждающаго къ сему; онъ приноситъ молитву свою, не яко необходимую дань, дабы тѣмъ умиловивши Божественное правосудiе или успокоить вопiющую совѣсть свою; но она есть излiянiе, свойственное Божественной жизни, — занятiе, естественное возрожденной душѣ. Онъ молитъ, и благодаритъ, и кается не только потому, что сiе закономъ повелѣвается, но болѣе потому, что чувствуетъ въ себѣ недосыатокъ и нужду въ Божественной

благости и бѣдствіе грѣховной жизни; любовь
 его непринужденная, и милосыни отъ него
 не изпоргаются силою; онъ по любви даешь
 охотно; ежели бы и не было обязанностей къ
 сему, то сердце его изобрѣло бы благотвор-
 ные подаянія: *благотѣствіи же смысленнѣ со-
 вѣщаши.* Исаи 32, 8. Несправедливость, невоз-
 держаніе и другіе пороки столь же противны
 свойству его, какъ и самые гнуснѣйшіе по-
 ступки, такъ что смѣло можно сказать со
 Св. Іоанномъ: *рожденный отъ Бога грѣха не
 творитъ, яко сѣмя Его въ немъ пребываетъ; и
 не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ
 есть.* 1 Іоан. 3, 9. Хотя благочестивые люди,
 истинные Христіане, очень наблюдаютъ за-
 конъ Божій; однако они такъ поступаютъ, не
 потому только, что законъ сей есть Святый
 и Божественный, но премудрость, и правда, и
 благость онаго препобѣждаетъ ихъ; они почи-
 таютъ его совершеннымъ и благотворнымъ
 сами по себѣ, и находятъ великое уже награ-
 жденіе въ соблюденіи онаго; та божественная
 Любовь, кою они управляются, содѣлы-
 ваетъ ихъ закономъ самимъ себѣ; однимъ сло-
 вомъ, то, что Спаситель говорилъ о Себѣ, при-
 личествуетъ и послѣдователямъ Его: *Мое бра-
 тно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя.*
 Іоан. 4, 34. И подобно какъ естественный го-
 лодъ влечетъ насъ къ пищѣ, хотя мы на то
 время, можемъ быть, и не помышляемъ о со-
 храненіи жизни нашей: такъ они всегда вле-
 кутся естественнымъ и сильнымъ стремлені-
 емъ ко всему благому и святому. Правда, что
 наружныя средства часто бываютъ полезны
 для возбужденія и воспламененія внутренняго
 сего чувствія, особенно въ его началѣ, когда
 оно бываетъ такъ слабо еще, что человекъ
 едва можетъ его самъ въ себѣ различать; не
 можетъ шагу сдѣлать впередъ, не бывъ пону-
 жденъ надеждою или страхомъ, тягою ка-
 каго либо бѣдствія или чувствіемъ какой ми-
 лости, властію закона или убѣжденіемъ дру-

тихъ. Ежели же таковой человекъ единообразно повинуется волю Божіей, истинно спра- ждентъ отъ чувства недостойнства своего, и желаетъ по любви исполнять обязанности свои ревностнѣе и съ большимъ усердіемъ: сего суть первыя движенія духовной жизни, которыя, хотя малы еще и слабы, но вѣрно сохраняются силою небесною и возрастаютъ въ больший возрастъ. Но тѣ, которые чужды внутреннему чувству сему, и не желая приобрести онаго, довольствуются тѣми наружными должностями, къ исполненію коихъ они побуждены воспитаніемъ или привычкою, страхомъ адскаго мученія или ложными понятіями о небесномъ царствіи: тѣ не могутъ почесаться Христіанами, равно какъ испукану не можно назваться человекомъ.

Принужденно-искусственная Религія обыкновенно бываетъ въ продолженіи тяжестнѣе и слабѣе, подобно какой либо машинѣ, съ тяжестію вверхъ поднимающейся; она къ небеснымъ жилищамъ вознестися не можетъ, ибо она хладна и мертва. Таковая Религія медлительна и нерадива въ исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя болѣе противны плотскимъ склонностямъ и спрастямъ человека, — и послѣдователи ея, яко рабы и наемники, никогда уже не сдѣлаютъ болѣе того, что необходимо отъ нихъ потребуется; ихъ законъ принуждаетъ дѣйствовать, и они не захотятъ ни шагу перейти далѣе границъ онаго, но еще будутъ всячески стараться приуменьшать его къ своему спокойствію; духъ же истинной Религіи свободенъ, изобилуетъ любовью и милостію; онъ далеко отстоитъ отъ всякой мѣры и числа; и тотъ, который себя предалъ совершенно Богу, никогда не помыслилъ, что лишнее можетъ сдѣлать во славу Святаго Имени Его.

Кажется, по вышесказанному, справедливо называемъ мы Религію жизнію или жизненною силою; и очень нужно различать свободу,

ея отъ того повиновенія, которое принужденно, и зависимо отъ вѣчныхъ причинъ. Теперь я намѣренъ доказать, почему называю Религію жизнію Божественною. Она можетъ такъ названа быть, не только по истощнику ея и началу, ибо имѣетъ Бога Творцемъ и напечатлѣвается въ душахъ человѣческихъ Духомъ Его Святымъ, но и по свойству ея: ибо Религія есть изображение Божественныхъ совершенствъ, Образъ Всемогущаго, сіяющій въ душѣ человѣческой: она какъ бы истинное сообщеніе Его Естества; она лучъ Свѣта вѣчнаго, капля неограниченнаго Океана благодати и милосердія; можно сказать о томъ, который ею орошенъ, что Богъ пребываетъ въ немъ, и Хришосъ вообразися въ немъ.

Что есть жизнь естественная?

Прежде нежели начну подробно разсма-тривать жизнь духовную, Божественную, составляющую истинную Религію, не излишне будетъ поговорить о той естественной, чувственной жизни, которая управляетъ людьми чуждыми жизни духовной. Я чрезъ нее разумѣю склонность нашу и стремленіе ко всему тому, что пріятно и угодно разплънному естеству нашему, или себялюбіе, произрастающее и распространяющееся на шолкое множество отраслей, сколько имѣется страстей и похотей. Основаніемъ сей жизни полагаю я чувствленность во всемъ пространствѣ и противоположности вѣрѣ, относительно понятія нашего о томъ, что намъ, пріятно или непріятно. Сіи же чувственныя склонности, взятыя въ собственномъ ихъ видѣ и какъ онѣ намъ даны природою, не суть порочны или вредны; напротивъ онѣ суть знаки и дѣйствія премудрости Творца, одарившаго тварей Своихъ склонностями и пожеланіями служащими къ сохраненію и пользѣ жизни; онѣ служатъ безсловеснымъ закономъ ско-

шамъ, коимъ они направляются къ назначенной Творцемъ цѣли; но человекъ, имѣя высшее назначеніе и долженствующій быть управляемъ лучшими законами, дѣлается грѣшнымъ и преступникомъ, когда увлекается столь сильно пожеланіями и склонностями сей низшей жизни, что пренебрегаетъ должності духовныя и небрежетъ о высшемъ и важнѣйшемъ назначеніи своего созданія. Естественныя склонности наши не должны быть совсѣмъ искоренены и истреблены, но умѣрены и управляемы силою совершеннѣйшею и высшею; однимъ словомъ, различіе между благочестивымъ и нечестивымъ человекомъ есть то, что въ одномъ духовная жизнь царствуетъ и управляетъ имъ, а въ другомъ жизнь чувственная.

Спрашно видѣть, какъ естественная сила влеченія тѣхъ, коими она овладѣла, въ разные пути по различнымъ обстоятельствамъ, содѣйствующимъ ей въ рѣшеніи воли ихъ; и какъ часто сіе производитъ очень опасныя погрѣшности, заслабая людей имѣть о себѣ высокое мнѣніе, въ сравненіи себя съ другими, находя различіе, кое считаютъ въ пользу свою въ то самое время, когда дѣла ихъ происходятъ почти всегда отъ одного и того же начала. Ежели разсмотримъ естественное расположеніе и свойство человѣческой души, то найдемъ, что одни вътренны, легкомысленны и буйны, что и содѣлываетъ поступки ихъ безразсудными и смѣшными; другіе же свойства постояннаго и твердаго, и поведеніе ихъ имѣетъ видъ важный, такъ что привлекаетъ общее вниманіе и почтеніе; нѣкоторые нрава меланхолическаго, угрюмаго, никогда не могутъ быть сами веселыми, и не терпятъ, чтобы другіе были веселы. Впрочемъ, не всѣ рождены съ такими непріятными и несчастными расположеніями: есть люди кроткіе и добрые, которые находятъ величайшее удовольствіе въ общемъ благосостояніи, во вза-

имномъ дружескомъ одолженіи; и ничего не желаютъ сколько, какъ всякому угодить и оказать услугу. Пріятно, что природа даруетъ такіа благія свойства, дабы замѣнить недоспашокъ истинной любви, и склонить людей ко взаимному благотворенію другъ другу. Притомъ нѣкоторымъ воспитаніе внушило такіа правила, чтобъ жить для собственной пользы и удовольствія; а другіе привыкли соблюдать строжайшія правила благопристойности и чести, и нѣкоторыя черты добродѣтели, такъ, что имъ кажется трудно и почти невозможно учинить что либо такое, что, по ихъ мнѣнію, низко и безчестно.

Поведеніе и поступки людей, ведущихъ жизнь чувственную, по побужденіямъ поврежденной природы, очень различны, по мѣрѣ дѣйствованія ума ихъ и разсудка, и по мѣрѣ употребленія сихъ душевныхъ способностей. Распутство, похоти, сладострастіе, неправосудіе, корыстолюбіе и всѣ скверны, коими исполненъ Свѣтъ и отъ коихъ онъ бѣдствуетъ, происходятъ отъ себялюбія — слѣдствія чувственной жизни, когда она ни покорена Религіи, ни управлена разумомъ, и когда овладѣетъ разсудкомъ и согласитъ съ собою умъ и воображеніе: таковой будетъ иногда презирать грѣхи и пороки, пріемля нѣкоторый видъ добродѣтели и святости. Ежели человекъ имѣетъ хотя сколько разсужденія, чтобы видѣть, какой вредъ наноситъ воздержаніе и сладострастіе здоровью его, имѣнію его и добру имени; то довольно будетъ одного себялюбія, чтобы воздержаться отъ сихъ пороковъ. Можно также наблюдать правила нравственности въ отношеніяхъ нашихъ съ другими, для сохраненія довѣренности и добраго имени въ Свѣтъ, но сего не довольно; сіе природное чувство, съ помощію разума, можетъ еще выше вознестись и ближе подойти къ образу благочестія и Религіи; оно можетъ склонить человека къ примѣрному испытанію бо-

жественныхъ истинъ: почему сіе занятіе не можетъ быть пріятно и занимательно для любопытнаго характера, равно какъ и другія? Оно можетъ даже содѣлать человека ревностнымъ къ распространенію тѣхъ мнѣній, кои самъ принялъ, и возродитъ въ немъ желаніе, чтобы другіе покорялись его сужденію и одобрили бы ихъ понятія о Религіи и духовныхъ предметахъ: они восхищаются, или читая другихъ, или сами сочиняя ученые поученія о сихъ предметахъ. Иныхъ могутъ чувства сіи довести до высокой степени наружнаго благочестія. Прекрасныя описанія небснаго царствія могутъ прельстить сердце пламенное; изображенія и подобія, употребленныя въ Священныхъ Писаніяхъ, вѣнцевъ и державъ, источниковъ радости и проч., легко воспаляютъ воображеніе человека, и возродятъ желаніе достигнуть сихъ благъ, хотя не будетъ имѣть припомъ никакого желанія, ни понятія о тѣхъ духовныхъ предметахъ, коихъ они суть только представленія. Когда же таковой человекъ увѣрился, что Іисусъ Христосъ Своими заслугами доставляетъ ему таковыя славныя и благіе предметы; то онъ можетъ почувствовать къ столь великому Благодѣтелю родъ благодарности и любви, и вообразитъ, что онъ очень его любитъ, припомъ же остается чуждъ духу кротости, смиренія и святости Господа Іисуса Христа; кратко скажу: нѣтъ того въ Свѣтѣ, чтобы чувство себлюбія, при содѣйствіи ума и разсудка, не побудило человека предпринять къ благопоспѣшенію величія его и славы въ мірѣ семъ. Хотя я не обвиняю сихъ естественныхъ добродѣтелей, но должно познавать и разсматривать свойство ихъ, дабы оставаться въ надлежащихъ границахъ, и научиться не цѣнить себя по успѣхамъ въ видимомъ благочестіи и не полагать надежды на одну наружную Религію нашу.

Вѣдѣ состоитъ жизнь Божественная?

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію той Божественной жизни, о которой прежде говорилъ я. Жизнь, о которой говоритъ Апостоль Павелъ, *жизнь ваша сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ*, не имѣетъ блеска, ни лестнаго вида въ мірѣ, и должна казаться челоуку естественному слабымъ и недостойнымъ занятіемъ. Какъ жизнь чувственная состоитъ въ слабой и ограниченной любви, относящейся къ себѣ самому и ко всему тому, что пріятно и угодно природѣ нашей: такъ напротивъ, жизнь духовная состоитъ въ общей, неограниченной любви и въ господствованіи надъ естественными склонностями нашими, дабы онѣ никогда не могли влечь насъ въ то, что сами признаемъ порочнымъ. Корень жизни Божественной есть вѣра; главные отрасли оной суть: любовь къ Богу; любовь къ людямъ; чистота и смиреніе. Хотя имена сихъ свойствъ очень обыкновенны между людьми и не имѣютъ для нихъ важнаго смысла: однако онѣ столь сильны, что языкъ челоуческій не можетъ выразить ничего важнѣе и совершеннѣе.

Вѣра въ жизни Божественной или Духовной тоже самое мѣсто занимаетъ, какое чувственность въ жизни естественной; ибо она не другое что, какъ родъ чувства или чувствительнаго, оцущительнаго увѣренія въ духовныхъ предметахъ; она простирается на всѣ Божественныя истины, но въ нашемъ падшемъ состояніи болѣе относится къ откровеніямъ Божіаго милосердія и примиренія къ грѣшникамъ чрезъ Ходатая, и потому принимается названіе свое отъ главнаго предмета ея и называется обыкновенно вѣрою во Іисуса Христа.

Любовь къ Богу есть восхитительное и сильное чувствованіе Его совершенствъ, которое производитъ то, что душа совершенно

предаетъ себя и жертвуетъ всёю своимъ, желая только угодить Ему; и ничѣмъ такъ не восхищается, какъ общеніемъ съ Нимъ, будучи всегда готова все шворить и все претерпѣть ради Имени Его, или во угожденіе Ему. Хотя любовь сія могла сначала родиться отъ благости и милосердія Господня къ намъ, однако по мѣрѣ возраста ея и успѣховъ, она превосходитъ частную сію причину и основывается на безпредѣльной благости Божіей, явленной во всемъ твореніи и провидѣніи Его. Душа, исполненная таковою любовію къ Богу, необходимо должна имѣть искреннюю и неограниченную любовь и къ людямъ, яко тварямъ Его, имѣющимъ нѣкоторыя черты Образа Его, напечатлѣныя на душахъ ихъ. Сіа то есть любовь, которую полагаю я второю отраслію Религіи, и въ которой содержится всякая правда и всякой долгъ нашъ къ ближнему; ибо тотъ, который истинно любитъ всѣхъ людей, будетъ участвовать въ благосостояніи каждаго; онъ столь далекъ отъ всякаго зла и мщенія, что чувствуетъ несчастіе и горе ближняго, какъ свое собственное.

Чистота, по моему мнѣнію, есть должное отверженіе плоти своей и господствованіе надъ страстями и похотьми ея; — или такой духъ и расположеніе души, по которому человекъ презираетъ забавы и наслажденія чувственные и удаляется оныхъ по мѣрѣ ихъ грѣховности и потому, что онъ могутъ угасить или уменьшить рвеніе къ предметамъ и радостямъ духовнымъ и внутреннимъ; — духъ всегда готовый переносить всякой трудъ, встрѣчающійся въ исполненіи должностей нашихъ: такъ, что подъ симъ названіемъ разумѣть должно не только цѣломудріе и воздержаніе, но и Христіанскую твердость и великодушіе.

Смирненіе означаетъ глубокое чувствованіе собственной слабости нашей, соединенное съ сердечнымъ признаніемъ, что мы обязаны

всѣмъ, что имѣемъ, благости Господней. — Чувствованіе сіе всегда сопровождается глубокою покорностію воли Божіей и мертвенностію къ славѣ міра сего и къ похваламъ человѣческимъ.

Сіе есть высшее совершенство, котораго человѣкъ достигъ можетъ, самое основаніе небснаго царствія въ душахъ нашихъ. Тотъ, который достигъ сего, не имѣетъ нужды, ни желанія проникать въ сокрытыя судьбы Божіи, или открывать тайны книги живошной, дабы узнать будущее, вѣчное состояніе свое; онъ можетъ видѣть въ сердцѣ своемъ списокъ Господней воли относительно сего; любовь его къ Богу увѣряетъ его въ любви Божіей къ нему; и по начало блаженства, которое онъ чувствуетъ въ душѣ своей отъ согласія всѣхъ качествъ ея съ качествами Божественнаго Естества, и отъ покорности воли своей воли Господней, есть вѣрный залогъ, что блаженство его будетъ совершенно и вѣчно.

Всѣ возможные слова никогда не могутъ достаточно изъяснить тайны возрожденія и жизни духовной; ни на какомъ языкѣ выразить сего не возможно; ниже можетъ кто понять сію тайну, кромѣ тѣхъ, коихъ души оживотворены уже и возбуждены ко вкушенію и чувствію духовныхъ предметовъ; *дѣхъ есть въ теловѣцѣхъ, дыханіе же Всѣдржителяво есть ницугающее.* Іов. 3^о, 8. Сила и жизнь Религіи можетъ лучше изобразиться дѣлами, нежели словами, пошому что дѣла предметы живые, и лучше показываютъ внутренній испочникъ, изъ коего происходятъ, и мы можемъ нѣсколько измѣрять благодатныя дарованія человѣка по дѣламъ его, тѣмъ болѣе, что имѣемъ достаточный образецъ ихъ въ жизни Всеблагаго Спасителя, Коего пребываніе на землѣ частію имѣло предметомъ научать насъ примѣромъ своимъ пворить то, чего требуетъ Богъ отъ насъ, и показатъ образецъ жизни своею, совершенно сходственною съ превосходными

правилами намъ данными; такъ что, ежели когда нибудь совершенная благость видима была въ (въ)пѣ семь, то это было тогда, какъ Онъ присутствіемъ Своимъ украшалъ и прославлялъ сію недостойную землю. Чистота и святость житія Его, и смиреніе, по которому опрёкался всякой славы Ему приписываемой, и сносилъ съ кротостію всякое поруганіе и мученіе отъ грѣшниковъ, коихъ пришелъ спасать — всѣ сіи добродѣтели споль велики во Іисусѣ Христѣ, и всѣ дѣйствія оныхъ споль ясно показаны въ описаніи житія Его Святыми Евангелистами, что я здѣсь не осмѣливаюсь изчислять множество примѣровъ намъ данныхъ Господемъ нашимъ, но скажу только: читайте и научайтесь отъ Него, яко крошкѣ и смиренъ сердцемъ.

Искренняя и благоговѣйная любовь, кою душа Его пламенѣла безпрерывно къ Небесному Отцу, оказывалась совершенною покорностію волю Его: *Мое бранно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его.* Іоан. 4, 34. Сіе — то было постоянное занятіе юности Его и дѣло всей жизни Его; Онъ не только не избѣгалъ ни трудовъ, ни спраданій для совершенія дѣла Небеснаго Отца Своего, но съ такою ревностію и усердіемъ занимался онымъ, что когда, почувствовавъ Себя упруженнымъ усталостію отъ пути и съвѣ отдохнувъ на испочникѣ Іакова, просилъ жену Самаритянку, да дастъ Ему пины воды изъ онаго; то успѣхъ разговора Его съ нею и обращеніе ея къ царству Божію исполнили духъ Его такою радостію, которая, кажется распространилась на самое плѣто Его, возобновила упомянутыя силы, такъ что Онъ забылъ о жаждѣ, Имъ претерпѣнной, и отказался отъ пины, за кою посылалъ учениковъ Своихъ. Не менѣе оказалъ Онъ терпѣнія и покорности въ перенесеніи воли Господней, какъ и ревности въ исполненіи оной; Онъ претерпѣвалъ величайшія гоненія и тяжчайшія бѣдствія, ка-

ковья только можешь смертный претерпѣть, не возымѣвъ даже мысли о прощивленіи, и не произнесъ ни единого слова роптанія. Хотя Онъ чувствовалъ спраданіе столь же живо, какъ и другіе люди; хотя предвидѣлъ и все то, что претерпѣть долженъ былъ: (что видимъ ясно изъ кроваваго поща Его, и изъ того, какъ душа Его была прискорбна и опягчена тоскою) однако Онъ совершенно покорялся грознымъ судьбамъ Всевышняго и добровольно согласился на волю Господню.

Онъ моля Бога тако: *аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене таша сія; смиренно присовокупляешь: обите не якоже Азъ хочу, но якоже Ты. Матѳ. 26, 39.* Какого важнаго содержанія суть слова сіи у Евангелиста Іоанна, 12, 27., гдѣ Онъ признаетъ тоску духа своего: *нынѣ душа Моя возмутися.* Онъ, какъ бы производящъ нѣкоторое раздуміе, — *и что реку?* Помощь начинаешь Онъ молитъ о спраданіи Своемъ: *Отче! спаси Мя отъ таса сего.* Какъ же скоро Онъ произнесъ слова сіи: *но сего ради придохъ на тасъ сій; и заключаешь с.мъ: Отче! прослави Имя Твое. Матѳ. 26, 28.* Не можемъ мы почести сіе слабостию или какъ бы нѣкимъ опреченіемъ. Онъ зналъ все, что подобало Ему претерпѣть, и съ рѣшительною швердосію претерпѣлъ все; но оно показывается неизреченную тягость и скорбь, имъ чувствуемую, которыя были столь мучительны для естества человеческого, что не могъ представлять о нихъ безъ ужаса; однако размышляя о воли Божіей, и о славѣ долженствующей Ему отъ того произойти, Онъ не только согласовался все перенести, но и желалъ сего.

Другой примѣръ любви Спасителя нашего къ Богу, есть услажденіе, которое находилъ въ молитвенномъ общеніи съ Нимъ, что заспавляло его часто уединяться и съ величайшимъ благоговѣніемъ и утѣщеніемъ проводить цѣлыя ночи въ небесномъ упражненіи семъ, хо-

тя не имѣлъ нужды въ исповѣданіи грѣховъ или въ прошеніи чего либо видимаго; что по большей части составляетъ предметъ нашихъ моленій: можно сказать, что вся жизнь Его была единое моленіе, т. е. постоянное общеніе съ Богомъ; ежели жертва не всегда приносилась, то по крайней мѣрѣ пламя всегда было питаемо; и посему Іисусъ никогда не чувствовалъ унынія и холодности, съ которыми столь часто мы принуждены сражаться, дабы пріищи въ соспояніе молитвенное.

Вовторыхъ, рассмотримъ любовь Его ко всѣмъ людямъ. Она не можетъ иначе быть изображена, какъ представленіемъ всей жизни Его во Евангеліи описанной; ибо нѣтъ почти ни единого слова, ни единого дѣла Спасителя, которое не имѣло бы цѣлю пользу и благо человека; всѣ чудотворныя дѣла Его были дѣйствія благости и могущества Его, и благо-творили имъ, для коихъ были произведены, равно какъ и удивляли зрителей. Любовь Его не ограничивалась родствомъ Его или знакомствомъ; милость Его не заключалась въ единомъ обхожденіи съ любезными учениками Его, но всѣ были друзья Его, которые исполняли заповѣди Его. Іоан. 15, 14. Тѣ, которые исполняли волю Отца Его, были ему и братія, и сестры, и мать. Матѳ. 12, 49.

Никто изъ приходящихъ къ Нему съ бла-гимъ намѣреніемъ не былъ отвергаемъ; никому не отказывалъ въ томъ, что могло служить ко благу просящаго; никто не отступалъ отъ Него съ прискорбіемъ, кромѣ юноши въ Евангеліи Святаго Марка, который пресорчился узнавъ, что царствіе небесное пріобрѣтается столь дорогою цѣною, что не можетъ сохранить богатства міра сего и душу свою. Іисусъ Христосъ съ сожалѣніемъ взиралъ на отступающаго отъ Него юношу сего; ибо сказано, что возлюби его, Марк. 10, 21,—возлюбилъ, но не могъ его ради проложить новый

путь въ царствіе Божіе, или премѣнить порядокъ вещей: ибо извѣстно, что сребролюбецъ не можетъ быть блаженнымъ. Что же скажемъ о Его кротости, которая могла перенести ужасную неблагодарность и лицемеріе изверга Его предающаго, такъ что Іисусъ не произнесъ ни единого упрека, довольствуясь сими словами: *Іудо! лобзаніемъ ли Сына человеческого предаши!* Лук. 22, 48. Какого больше пожелаемъ доказательства искренней и безпредѣльной любви Его, какъ то, что Онъ положилъ жизнь Свою даже за злѣйшихъ враговъ Своихъ, и проливая кровь Свою съ молитвою объ нихъ, просилъ Небеснаго Отца, дабы смерть Его не вмѣнилась имъ въ грѣхъ, но да содѣлается средствомъ спасенія тѣмъ самымъ, которые умерщвляли Его.

Третія отрасль духовной жизни есть святость, которая, какъ я сказалъ, состоятъ въ презрѣніи мірскихъ удовольствій, сластей и нѣги тѣла нашего, принимая охотно всякой трудъ и воздержаніе. Никто въ свѣтѣ не можетъ быть намъ лучшимъ примѣромъ въ семъ случаѣ, какъ Іисусъ Христосъ. Онъ употреблялъ необходимое только и нужное, когда имѣлъ оное, и ничего не желалъ даже пріятнаго для чувствъ. Хотя Онъ соизволялъ чудесно обратить воду въ вино для удовольствія другихъ; однако никогда не пилъ чудесъ для удовлетворенія собственнаго глада, бывши въ пустынѣ. Мы часто слышимъ, что Спаситель воздыхалъ, соболѣзновалъ и даже слезы проливалъ; нигдѣ же не видно, чтобы Онъ когда смѣялся, и однажды только возрадовался духомъ, такъ что во всю жизнь Свою Онъ по-чти былъ такаго свойства, какъ Его описывалъ древле Пророкъ: *теловѣкъ въ лѣвѣ сый, и въ дѣхъ терпѣти болѣзнь.* Исаіи 53, 3 Труды и болѣзни были соизвольно имъ избраны: ибо никто не могъ, какъ Онъ, пріобрѣсти славу и величіе въ мірѣ, ежелибы угодны были Ему.

Тотъ, по гласу Коего шолікое множество рыбъ пришли въ сѣти учениковъ Его, а въ другое время и дань изпребована изъ глубины водъ, онъ рыбы же—Тотъ, говорю я, легко могъ пріобрѣсть величайшія богатства міра; Тотъ, Который насытилъ многія тысячи пштыю хлѣбами и преме рыбами, легко могъ бы безъ лствъ содержать войско многочисленнѣ всѣхъ силъ Кесаря, и могъ бы лишитъ его престола; но, дабы доказать, сколь мало Онъ цѣнилъ всѣ наслажденія мірскія, Онъ избралъ жизнь столь бѣдную и нужную, что *лиси лзвыны и мути и тптицы небесныя гнѣзда: Сынъ же теловѣтскій не имать, гдѣ главу подклонити. Лук. 9, 58.* Онъ не искалъ общества царей, ни обхожденія съ великими и богатыми; но Самъ родившись сыномъ текшна, имѣлъ рыбаей и подобныхъ сему простыхъ людей товарищами и жилъ соотвѣстственно бѣдному сему сословію.

Теперь буду говорить о смирѣніи Господа Иисуса Христа; послѣдняя отрасль жизни духовной, въ чемъ еще Онъ намъ служилъ совершеннѣйшимъ примѣромъ, да научимся отъ Него, *яко кротокъ есть и смиренъ сердцемъ. Матѣ. 11, 29.* Я не буду говорить здѣсь о томъ безпредѣльномъ снисхожденіи превѣчнаго Сына Божія, по которому созволилъ принять на Себя плоть нашу; но только разсмотрю нѣсколько смиреніе и кротость жизни Его здѣсь на землѣ. Онъ не имѣлъ нѣхъ грѣховъ и несовершенствъ, которыя справедливо унижаютъ лучшаго чловѣка въ мірѣ; но Онъ бывъ погруженъ въ непрерывное созерцаніе совершенствъ Божіихъ, почиталъ (амъ Себя за ничто, т. е. чловѣчество Своѣ; нѣ великія совершенства, коими украшена была душа Его, почиталъ Онъ не за Свои, но за даръ благодати Божіей, и посему не приписывалъ Себѣ никакой за то чести и въ глубочайшемъ смиреніи отвергалъ ее отъ Себя; посему описывался Онъ отъ столь обыкновеннаго на-

званія, *благій Учитель*, когда порицалъ нѣкого мужа не признающаго Божественности Его: *что Мя глаголеши блага: никтоже благовѣ, токмо Единъ, Богъ*; какъ бы сказалъ: благоспѣ твари (тварию же почитаешь ты Меня) не стоитъ того, чтобы говорить объ ней или замѣчать ее; Единъ Богъ превѣчно и совершенно благо. Онъ никогда не употреблялъ чудотворной силы Своей для суетности или тщеславія; Онъ не хотѣлъ удовлетворить любопытству Іудеевъ знаменіемъ съ небесъ или какимъ-либо чуднымъ видѣніемъ воздушнымъ; не хотѣлъ также послѣдовать совѣту родственниковъ Своихъ и согражданъ, хотѣвшихъ, чтобы всѣ чудныя дѣла Его являлись въ глазахъ міра всего, дабы тѣмъ доставить Ему большую славу. Но въ то же время, какъ по сопраданію Своему побуждаемъ былъ къ вспоможенію несчастнымъ, то по смиренію почти всегда приказывалъ молчать и скрывать содѣланное Имъ чудо. Когда же слава Господня и цѣль, для которой низшелъ на землю, требовали явленія дѣлъ Его, то всегда приписывалъ честь и славу Небесному Отцу Своему, говоря; *что не можетъ Сынъ творити съ Себѣ ничего*. Іоан. 5, 19.

Невозможно здѣсь изчислить всѣхъ случаевъ, въ кои. явилъ смиреніе Свое Іисусъ Христосъ, обращаясь съ людьми: удаление Его, когда хотѣли сдѣлать его Царемъ, повиновеніе Его не только блаженной Матери Своей, но и обрученному ея жениху во время юности Своей, покорное перенесеніе всѣхъ ругательствъ и безчестій отъ злочестивыхъ враговъ Его. Евангеліе исполнено такихъ примѣрами. Прилѣжное и рачительное чтеніе онаго, поистинѣ есть лучший способъ пріобрѣсти вѣрные правила смиренія и всѣхъ другихъ частей Религіи, которыя я старался описать.

Потомъ же воззовемъ къ Небесному Отцу! Владыко превѣчный и всемогущій Созда-

тель, Источникъ живота и блаженства! Мы слабыя и грѣшныя пѣвари, сколь мало знаемъ о Тебѣ и о томъ, какъ служить и какъ угождать Тебѣ! Мы говоримъ о Религіи, и почитаемъ себя вѣрующими; но увы! сколь малое число понимающихъ значеніе оной! Сколь часто принимаемъ мы естественныя склонности и привязанности наши, и слѣдствія самолюбія за дѣйствія той Божественной благости, которая одна можетъ насъ содѣлать угодными Тебѣ! Не могу безъ горести подумать, что я столь долго заблуждалъ, и столь часто дозволялся пустою пѣнію и ложнымъ видомъ благочестія и Религіи; но не могу въ то же время не признавать и не обожать ту благость, кою благоволить открытъ глаза мои и показатъ мнѣ цѣль, къ которой долженъ стремиться. Восхищаюсь духомъ, узнавъ, до какого усовершенствованія существо мое достигнуть можетъ, и какой Божественный духъ царствуетъ въ тѣхъ, коихъ Ты соизволилъ избрать и приблизить къ Себѣ. Благословенно милосердіе Твое, пославшее Сына Твоего въ міръ сей, научаши насъ примѣромъ Своимъ, равно какъ и законами, подавая совершенный образъ того, чѣмъ мы должны быть. О! да будетъ всегда святая жизнь Господа Іисуса Христа присущественна мыслямъ моимъ и сердцу моему; да возродитъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе и живое чувство тѣхъ благодатныхъ совершенствъ, которыя сіяли въ Немъ. Продли, Господи! дни жизни моея, да подвизаюсь, пока сія новая жизнь не возродитъ во мнѣ Христа Бога моего и не преобразитъ душу мою въ Образъ Его.

Совершенство и польза Религіи.

Теперь, любезный другъ, объяснимъ свойство истинной Религіи. Не лишнее будетъ обратить нѣсколько размышленіе наше на со-

вершенство и пользу оной, дабы тѣмъ возбудишь сильнѣйшее и ревностнѣйшее снисканіе и употребленіе средствъ къ пріобрѣтенію столь великаго блага. Но уввы! какія слова могутъ доспапочно выразить внутреннее удовольствіе, сокровенную радость, которой никто не можетъ представить, кромѣ тѣхъ, коихъ души ими наполнены? Святость есть свойство и природное положеніе души въ первобытномъ сотвореніи; но способности ея по паденіи разспроены и обезсилены, такъ что не можетъ исполнять природныхъ должностей своихъ; она чистомилась безконечными возмущеніями и волненіями, и нигда не можетъ обрѣсти себѣ покоя: въ Религіи же болѣзнь сія кончается, душа чувствуетъ себя здоровою, всѣ способности ея приходятъ въ должное дѣйствіе и силу, разумъ уже различаетъ доброе, и воля стремилась къ нему; склонности не увлекаются движеніемъ чувствъ и вліаніемъ внѣшнихъ предметовъ, но управляются чувствованіями духовными и занимаются предметами небесными.

Л ю б о в ъ .

Будемъ теперь разбирать Религію подробно, въ тѣхъ опраслахъ, о которыхъ говорили; рассмотримъ шу любовь, которою души вѣрующія привязаны къ Богу, дабы понять совершенство и блаженства, заключающіяся въ ней. Любовь есть та сильная и всепревозмогающая страсть, коею всѣ способности и склонности духовныя усредоточиваются; и отъ которой болѣе зависить усовершенствованіе и блаженство наше. Достоинство и добродѣтель души можетъ измѣряться по предмету любви ея: тотъ, кто любитъ вещи недостойныя и низкія, самъ содѣлывается низкимъ и недостойнымъ; но любовь благородная и усшремленная къ достойному предмету усовершенствуетъ духъ и сообразуетъ его съ

совершенствами любимого предмета: мы сіе часто видимъ въ людяхъ, какъ они, не замѣчая сами того, перенимаютъ все ошъ тѣхъ, которыхъ любятъ, и становятся на нихъ похожими, не только въ большихъ чертахъ характера ихъ, но даже и голосомъ, тѣлодвиженіями и воими поступками. Ежели бы качества душевныя были такимъ образомъ предметами любви нашей, то, безъ сомнѣнія, могли бы ихъ столь легко перенять и пріобрѣсти. Но и въ такомъ случаѣ, какъ всякая тварь имѣетъ болѣе или менѣе примѣси грѣха и порока, то мы привязываясь къ ней, всегда въ опасности заразиться тѣми же недоспашками и грѣховными страстями. Любовь часто насъ ослѣпляетъ такъ, что мы прежде одобряемъ, а потомъ перекинаемъ то, что осудительно и дурно; и такъ истинный способъ украшать и усовершенствовать души наши есть, обращать любовь къ Божественнымъ совершенствамъ, ихъ имѣть всегда предъ собою, дабы онѣ имѣли изліяніе на насъ и дѣлали впечатлѣніе на нашу душу; откровеннымъ лицемъ славу Господню взирающе, въ тойже образъ преобразуемся отъ славы въ славу, якоже отъ Господня Духа. Тотъ, который съ чувствомъ возвелъ очи къ безначальной красотѣ и добротѣ, и успремилъ любовь свою шуда, тотъ во всемъ инаго духа, и твердостію и совершенствами далеко превосходитъ всякаго чловѣка въ мірѣ; онъ не можетъ не презирать всякую малую, недостойную вещь Свѣта сего; онъ не будетъ въ себѣ питать никакой мысли, ни чувства, могущихъ отвлечьъ его отъ его высокой цѣли. Любовь есть важнѣйшее и совершеннѣйшее чувствованіе, которымъ одарены мы, и потому безразсудно и непроспашительно будетъ обращать оную на предметы недостойныя; она воистину одна можетъ почестъся нашею собственностію; все другое можетъ быть похищено отъ насъ, но любви нашей ничто по-

жижить силою не можетъ; ежели что другое и сочтемъ своимъ, но даруя любовь нашу отдаемъ мы все: ибо отдаемъ сердце наше и волю; невозможно ни въ чемъ отказать тому, кому отдали самихъ себя; всякой даръ цѣнится по чувствамъ того, который даруетъ его и не случаемъ измѣряется, а желаніемъ его; тошъ, который любитъ, даруетъ, можно сказать, не только все, что имѣетъ, но и все, что имѣть можетъ, только чтобы угодно было предмету любви его; ибо онъ воистину желаетъ все отдать, и вѣрно все бы отдалъ. Посему-то можно осмѣлиться сказать: любовь есть достойнѣйшій даръ, какой только можемъ принести Господу Богу; она унижается, когда мы обращаемъ ее на другіе предметы. Когда сіе чувство обращено на тварь или мірскія блага, оно часто оказывается и объясняется такими выраженіями, которыя показываютъ ея первоначальный и правильный предметъ. Лстивыя и несподобительныя выраженія обожанія, коими человекъ часто объясняетъ спрость свою, суть выраженія той любви, которая была вліяна въ насъ Свыше и назначена для Бога; та спрость, которая почиаетъ предметъ свой за Божество, должна быть устремлена къ Единному истинному Богу; та чрезмѣрная покорность, которая унижаетъ человека, когда онъ ее оказываетъ подобной себѣ твари, возвышаетъ его и улучшаетъ, когда относится къ Творцу; всѣ оковы любви къ Нему и иго ея гораздо пріятнѣе, нежели самая свобода: таковое рабство гораздо славнѣе, нежели величайшая власъ въ мірѣ.

Послику одна духовная, Божественная любовь возвышаетъ и украшаетъ душу, то она одна можетъ содѣлать и щастіе ея. Человекъ въ падшемъ состояніи своемъ здѣсь въ мірѣ полагаетъ величайшее щастіе свое, радость свою и продолжительнѣйшія наслажденія въ любви взаимной и успѣшной; но чувство сіе

содѣлывается для него горестнымъ и обращается въ безпокойныя и мучительныя страсти, когда устремится на предметы недостойныя сами въ себѣ. Они или неблагоудны, или мы лишаемся ихъ отсутствіемъ, или какимъ случаемъ, или несчастіями, и наконецъ самая смерть опымаемъ ихъ опъ насъ. Сей непріятности подлежатъ въ Свѣтъ шѣ, кои имѣютъ любовь и привязанность къ тваримъ себѣ подобнымъ; но любовь къ Богу доставляетъ однѣ радости, ничѣмъ непрерываемыя. Во первыхъ, говорю я, любовь къ твари бываетъ горестна и мучительна, когда нѣтъ достоинствъ и совершенствъ въ предметъ ея, соотвѣтствующихъ величію и силѣ любви; пламенное и страстное чувствованіе сіе не можетъ не мучить души, когда не находишь, чѣмъ насыщать свои желанія; природа же его столь обширна и неограниченна, что должно очень снѣснить оное, дабы ограничить его твореніемъ: единое токмо безпрѣдѣльное благо можетъ доставить ему доставочное пространство для дѣйствій пламенной силы его. Какъ можетъ какая либо наружная тѣлесная красота, или временная доброша довольствоваться или насытить чувство, созданное для Бога, назначенное, дабы объять неограниченное благо?

Любовь духовная не имѣетъ никакой примѣси, ни горести, ни безпокойства; когда разъ душа утвердилась въ любви къ высшему и всенаполняющему благу, то она находишь столь много совершенствъ и доброшъ, что оно не только отвѣтствуетъ и насыщаетъ ее, но еще владѣетъ и управляетъ ею; — душа тогда чувствуетъ, что ея любовь еще слаба и хладна въ сравненіи столь великаго предмета, и сожалеетъ, что не можетъ увеличить оную; она желала бы имѣть пламень Херувимскій, и воздыхаетъ о времени, когда совершенно разжжется и расплется въ любви Божественной, и чувствуя, что сама столь

недостаточно любить, призываетъ всѣ творенія и Ангеловъ и людей, да всѣ соединятся къ ней для прославленія и любленія сихъ безпредѣльныхъ совершенствъ.

Любовь къ твари или благамъ міра сего сопровождается смущеніемъ, когда не встрѣчается взаимной привязанности, или не можетъ достигъ желаемого предмета. Любовь есть драгоценнѣйшій даръ, который можемъ дать; въ ней даруемъ все, что имѣемъ; и по сему горестно должно быть, когда видимъ, что таковой великій даръ нашъ презирается и не заслуживаетъ никакого вознагражденія. Совершенная любовь должна съ отверженіемъ самой себя заниматься только тѣмъ, что можетъ быть угодно ея предмету или доставить его ей; однимъ словомъ, любовь пребываетъ взаимности или удовлетворенія; безъ сего не можетъ она быть покойна: такъ любить невѣрующей тварь вмѣсто Творца: такъ любить вѣрующей Господа Спасителя, — и сей любитель Божества никогда уже не можетъ быть отвергнутъ безъ взаимности; ибо любовь свою обратилъ на Того, Кого бытіе или сущность есть любовь, Коего добра безпредѣльна какъ и бытіе Его, Коего милосердіе предупреждаетъ насъ, когда мы еще во враждѣ противъ Его, слѣдовательно радостно принимаемъ, когда обращаемся къ Нему съ любовью. Не возможно, чтобы Богъ не возлюбилъ душу, предающуюся Ему и ничѣмъ не занимающуюся, какъ токмо служеніемъ и утѣженіемъ Ему. Онъ не можетъ презрѣть Своего Образа, ни же сердца, въ комъ Онъ напечатлѣнъ. Любовь есть единая дань, которую можемъ принести Господу Богу нашему; она есть жертва, коей Онъ никогда не отвергаетъ.

Любовь къ твари смущается и обращается въ мучительную страсть, когда разлучаемся съ любимыми предметами и лишаемся оныхъ. Не безъ горести друзья разлучаются

хотя и на краткое время; горестно быть лишены столь пріятнаго, усладительнаго общества; скука одолеваетъ насъ, когда ожидаемъ возвращенія друга; ежели же смерть причинила разлуку сію, (что рано или поздно необходимо должно случиться) тогда никакого бѣдствія жизни сей не можемъ сравнить съ симъ несчастіемъ; ничто не можетъ вознаградить потери друга нашего; горестно также лишеніе богатства, чести и проч.; мучительна всякая неудовлетворенная спрась: но блаженны тѣ, которые любовь свою посвятили Тому, Который никогда отъ нихъ удаленъ быть не можетъ! Повсюду очи ихъ зрятъ слѣды присутствія Его и славы; всегда могутъ они бесѣдовать съ Тѣмъ, Кого душа ихъ любитъ. Сіе увѣреніе содѣлываетъ мрачную темницу или ужаснѣйшую пустыню не только сносными, но и пріятными, даже восхитительными жилищами.

Любовь къ твари огорчается несчастіемъ и огорченіями предметовъ привязанности ея. Но ежели Богъ предметомъ любви нашей, то мы содѣлываемся участниками блаженства Его, радуемся о славѣ Его, и восхищаемся прославленіемъ святаго Имени Его, и увѣреніемъ, что Онъ блаженъ Самъ въ Себѣ и ничто не можетъ поколебать престола Его. Блаженъ любящій Бога! Какое твердое основаніе имѣетъ счастье того, коего сердце исполнено любви къ Творцу своему, коего воля покорена волѣ Его и коего величайшее желаніе состоятъ въ томъ, чтобы угодить Владыкѣ своему. Какимъ миромъ, какимъ спокойствіемъ, какою радостію исполнена душа любящаго Бога! Какая неизреченная радость должна быть того, который теряется въ любви Бога своего, погруженъ въ чувствіи благости Его, и приносилъ себя живою жертвою Ему—жертвою, восходящею во пламени чистѣйшей любви. Не можетъ никакая душа знать истинную и существенную радость, пока не возмущается

собою, не отречется отъ всякія собственности и не опдася Творцу своему, признавая себя ничтожною и желая только въ жизни своей служишь и угодишь Ему. Человѣкъ такого расположенія духа будетъ радостно принимать всякое дѣйствіе Божіаго промысла; онъ иначе уже будетъ цѣнить всѣ временныя блага и будетъ любить оныя только, какъ знакіи и залогомъ любви Господа Бога своего; наказанія же, хотя и горестныя, потерпятъ язвительное жало свое; жезлъ поражающій и палица поддерживающая будутъ приниматься равно съ благодарностію. Онъ лобзаетъ руку наказующую его, и не ропщетъ на строгость опредѣленія Господа; онъ радуется, что совершится воля Божія, святая и премудрая, а не его — твари слабой и безразсудной.

Исполненіе должностей Религіи, которыя для другихъ тягостны и скучны, приносятъ напрошивъ душамъ, исполненнымъ любви Божіей, величайшее утѣшеніе и радость; они радуются, когда призываются: *возвеселихся о рекшихъ миѣ: въ домъ Господень пойдемъ, дабы тамъ видѣти силу Его и славу Его. Псал. 121, 1.* Они никогда не бывають столь счастливы, какъ когда, уединясь отъ міра сего и удалясь отъ шума и дѣлъ, укротивъ волнующіяся страсти, поставявъ себя предъ Богомъ, дабы имѣть общеніе и причастіе съ Нимъ: они восхищаются, созерцая совершенство Его, возглашая благодаренія Его, свидѣтельствую приверженность къ Нему и повторяя тысящу разъ, что любятъ Его; они утѣшаются, излагая горести свои и нужды предъ Нимъ, и облегчая сердца свои моленіемъ къ Господу своему. Самое покаяніе есть утѣшеніе, когда происшекаетъ отъ любви: есть сладость въ слезахъ, проливаемыхъ отъ признанія своихъ слабостей; есть радость въ сокрушеніи и умиленіи души, обращающейся къ Богу и оплакивающей первую злобу свою.

Строгость святости и непрестанное бдѣ-

ніе надъ сердцами и дѣлами своими очень тяжостны бывають шѣмъ, кои управляются только наружнычъ закономъ, а въ душахъ не имѣють иного закона, склоняющаго ихъ къ исполненію должностей; но когда любовь къ Богу исполняетъ душу, то она стоитъ на стражѣ, дабы не впускать ничего, могущаго оскорбить предметъ любви своей, и сильно отвергаетъ всякое искушеніе, приближающееся къ сердцу своему. Она радостно соглашается не только на явныя повелѣнія, но и самыя тайныя внушенія воли Его, изыскивая всячески, что можетъ быть угоднымъ и пріятнымъ Ему; она обращаетъ тяжостное и мучительное чувство само-отверженія и умерщвленія плоти въ чувство пріятное, утѣшительное и радостное.

Любовь къ ближнему.

Вторая отрасль жизни духовной есть всеобщая любовь къ ближнему. Совершенство оныя ясно можетъ быть изображено; ибо что можетъ быть величественнѣе и добродѣтельнѣе сердца, объемлющаго весь (вѣшь? что благороднѣе души, коея всѣ намѣренія и желанія соразмѣрены со всеобщимъ благомъ міра сего, и которая пользу всякаго человѣка почитаетъ пользою своею? Любящій ближняго, какъ самаго себя, не можетъ никогда питать въ себѣ злой или предосудительной мысли о немъ, и не можетъ имѣть недосыатка въ милостиномъ расположеніи къ нему; онъ лучше претерпитъ тысячу оскорбленій, нежели самъ захочетъ оскорбить кого либо, и никогда не почитаетъ себя блаженнѣйшимъ, какъ когда благотворитъ другимъ; злоба и неблагодарность людей не можетъ потушить любви его; онъ не взираетъ на ихъ злобу, сожалеетъ объ ихъ безуміи и препобѣждаетъ ихъ зло своею благостію; никогда не ищетъ другаго отмщенія злѣйшему врагу, какъ осыпаетъ его различными благодѣяніями. Удивительно ли, что таковой человѣкъ любимъ и почитаемъ

всѣми почти вообще? Сія внутренняя благость и крепость душевная отражаетъ нѣкоторую пріятность и спокойствіе на самую наружность таковаго человѣка и содѣлываетъ его любезнымъ; чувство сіе исполняетъ духъ рѣшимостію и твердостію и содѣлываетъ его способнымъ къ предпріятію и совершенію величайшихъ дѣлъ. Мы чинимъ съ удивленіемъ о томъ, что въ разныя времена и разными людьми предпринято было изъ любви къ отечеству, изъ дружбы и другихъ частныхъ привязанностей. Чего же не возможетъ любовь всеобщая, основанная на любви Божіей? Любовь къ ближнему, истекая всегда отъ духа благости и благородства, сопровождается величайшею радостію и удовольствіемъ; душа восхищается, чувствуя себя такъ растворенною и освобожденною отъ мучительныхъ и безобразныхъ страстей, злобы, ненависти и зависти, и содѣлывается кроткою, смиренною и милостивою. Не можетъ человѣкъ найти ничего сладостнѣе въ жизни сей, какъ сердце исполненное любви ко всему человѣчеству вообще: ибо тогда оно участвуетъ во благѣ каждаго; духовныя, внутреннія дарованія человѣковъ и наружныя временныя блага, все, что имъ полезно — все его радуетъ и утѣшаетъ: и хотя онъ часто встрѣчатъ будетъ предметы горести и состраданія, но въ состраданіи найдеть сладость, которая содѣлываетъ чувство сіе гораздо желаннѣйшимъ, нежели хладная нечувствительность; созерцаніе безпредѣльной благости и мудрости, управляющей міромъ, можетъ остановить и уничтожить всякое излишнее безпокойствіе и огорченіе о частныхъ бѣдствіяхъ, могущихъ случиться; надежда и упованіе на будущее блаженство должны умѣрять горести человѣка въ настоящихъ несчастіяхъ его. Безъ сомнѣнія, послѣ любви къ Богу и наслажденія въ Немъ, горячая любовь къ ближнему и привязанность, коею души вѣрующихъ соединяютъ

ся, справедливо почитается за величайшее благо небесныхъ обитателей; ежели бы она царствовала въ міръ семь, то мы предвкушали бы на землѣ еще ту радость, кою будемъ наслаждаться въ царствіи небесномъ.

Ч и с т о т а.

Чистоту или Святость назвали мы претѣею опраслію Религій; она, какъ мы уже сказали, состоитъ въ презрѣніи чувственныхъ удовольствій и твердой рѣшительности переносить всѣ трудности и горести, могущія предстать въ исполненіи должностей нашихъ; и въ рабствѣ гнуса рабства нашимъ плотскимъ страстямъ и похотямъ; и въ побѣдѣ славнѣе побѣды надъ ними. Не можетъ человекъ ничего сдѣлать благороднаго, ни похвальнаго, когда онъ погрязъ въ грубыхъ и гнусныхъ наслажденіяхъ чувствъ своихъ, или очарованъ мечтаніями воспламененнаго воображенія: но душа вѣрующаго совершенно другихъ исполнена чувствованій. Она оживотворяется божественнымъ духомъ, знаетъ, что сотворена на высшую цѣль, и не согласится совратиться ни на шагъ съ пути истины и святости, для полученія недостойныхъ благъ міра.

Все, что оскверняетъ душу, беспокоитъ ее; всѣ нечистыя наслажденія имѣютъ въ себѣ язвительное жало и оставляютъ по себѣ скорбь и смущеніе: развратъ, невоздержность, распушныя похоти и снраспи, споль вредны здравію плесному и противны благополучію настоящей жизни, что малое размышленіе должно бы воздержать отъ сего всякаго разсудительнаго человека по сей уже причинѣ; ежели же вѣрующій человекъ, имѣющій разумъ, просвѣщенъ познаніемъ Слова Божія, не только отвращается отъ непозволительныхъ наслажденій, но еще воздерживается и невинныхъ, — сіе не должно почитать за тяжестный,

мучительный трудъ и усиліе, но за сльдствіе лучшаго избранія и наклоненія воли его; его духъ занявъ достиженіемъ величайшихъ и чистѣйшихъ наслажденій, такъ что онъ не можетъ и пожелать сихъ недостойныхъ плотскихъ увеселеній; душа, исполненная любви къ Богу, презираетъ низкія удовольствія, и часто забываетъ удовлетворять и необходимымъ жизненнымъ нуждамъ, почитая оныя маловажными и ненужными для небеснаго блаженства, кое имѣетъ своею цѣлю; трудности же, встрѣчающіяся ей, принимаетъ она съ радостію, яко случай, коимъ засвидѣтельствовать можетъ и любовь и покорность свою; чувствуя свою неспособность угождать Богу, радуется, что можетъ хотя поспрадать въ прославленіе Его.

С м и р е н і е,

Еще опрашь Религіи или вѣры есть смиреніе. Хотя добродѣтель сія и кажется маловажнымъ, недостойнымъ и даже униженіельнымъ предметомъ въ глазахъ свѣтскаго челоѣка: однако воистину челоѣческая душа не можетъ достигнуть совершенства болѣе сего. Одно дерзкое невѣжество возрождаетъ гордость; но смиреніе происходитъ отъ познанія превосходныхъ духовныхъ предметовъ, и сіе познаніе отвращаетъ челоѣка отъ всякой привязанности къ вещамъ малозначущимъ и отъ самолюбія и самоугожденія. Благородная, разумная душа не почитаетъ богатство, красоту, силу, или другое какое-либо временное благо споль драгоцѣннымъ, чтобы тщеславиться онымъ, или презирать тѣхъ, кои не имѣютъ ихъ; душевные же качества и истинная доброта имѣютъ такую цѣну въ глазахъ ихъ, что они все оставляютъ для достиженія высшихъ духовныхъ совершенствъ, которыхъ желаютъ.

Не знаю, какое мнѣніе люди имѣютъ о сми-

реніи, но вижу, что всѣ почти стараются имѣть видъ онаго; всѣ стараются избѣгать всего, что можетъ показать гордость ихъ и надменность въ обществѣ; выхваляя другъ друга показываютъ, что они не имѣютъ о себѣ сноль хорошаго мнѣнія; и такимъ образомъ принимая личину смиренія, доказываютъ, что почитаютъ ее за нужную и похвальную.

Сіе благодатное качество сопровождается большимъ спокойствіемъ и щастіемъ. Гордый и надменный человѣкъ въ тягость всякому, кто имѣетъ съ нимъ дѣло, но еще болѣе въ тягость самому себѣ; всякая бездѣлица его можетъ раздражить, но едва ли чѣмъ можно угодить или удовольствовать его. Онъ готовъ со всякимъ поссориться, кто противился ему, почитаетъ себя опличнымъ отъ всѣхъ, и полагаетъ, что всѣ другіе должны уступить ему и угождать во всемъ. Листы на вершинахъ высокихъ деревъ содрогаются отъ малѣйшаго вѣтра: подобно и высокомерный человѣкъ смущается отъ всякаго противнаго ему слова; смиренный же не обижается презрѣніемъ другихъ, потому что самъ цѣнитъ себя очень умеренно. Онъ легко переноситъ отъ другихъ упреки и обвиненія, которые самъ себѣ дѣлаетъ безпрестанно; гордый же, пытая самъ себя похвалами, не можетъ терпѣть малѣйшаго упрека, хотя бы и справедливъ былъ; чѣмъ же меньше человѣкъ обижается ругательствомъ другихъ, тѣмъ менѣе онъ ихъ заслуживаетъ. Споры, происходящіе отъ гордости, вводя въ человека во множество непріятностей, которымъ смиренный и кроткій нравъ не подвергается. Истинное и нелицемѣрное смиреніе заслуживаетъ почтеніе и любовь всякаго благоразумнаго человѣка; гордость же напрошивъ измѣняетъ самой себѣ, и лишаетъ человека той чести и славы, которой онъ сноль сильно желаетъ.

Но какъ главное дѣйствіе смиренія относится ко Всемогущему Богу, то оно и сопро-

воздается большею радостію и величайшимъ утѣшеніемъ. Невозможно изобразить радости и утѣшенія ощущаемаго душею, смиренно повергающеюся въ прахъ предъ Господомъ своимъ. Поражаясь глубокимъ чувствованіемъ Божественнаго величія и славы, она упадаетъ, какъ бы сказать, во глубину своего существа, исчезая и уничтожаясь предъ Богомъ добровольнымъ признаніемъ своего ничтожества. Она понимаетъ весь смыслъ и всю силу сихъ словъ Псалмопѣвца, *Господи, что есть тело-вѣкъ?* Псал. 8, 5. и можешь изречь сіе съ тою же любовію. Никогда гордый и щеславный человекъ не можетъ получить хвалы и славы отъ людей съ такою радостію, съ каковою отърекается отъ нихъ человекъ смиренный и вѣрующій воистину: *не намъ, о Господи, говоримъ онъ, не намъ, но Имени Твоему.*

Представивъ такимъ образомъ, по мѣрѣ возможности моей, всю красоту и пользу Религіи въ разныхъ ея отрасляхъ или вѣтвяхъ, увѣренъ я однако, что далекъ еще отъ великой цѣли моей. Попытсѣя самъ познать ее, любезный другъ; изъ опыта она познается болѣе, нежели чрезъ наученіе или разсужденіе. Ежели чувствуемъ, что душа наша нѣсколько пробудилась къ снисканію сего познанія, то помолимся тако ко Господу:

Боже, Боже мой! на какое блаженство призываешь насъ! какъ милостиво и премудро соединилъ Ты долгъ нашъ съ блаженствомъ нашимъ и предначерпалъ намъ дѣло, коего исполненіе имѣешь въ себѣ величайшее награжденіе! какъ столь недостойныя пвари удостоиваюшся столь великаго блаженства! какъ осмѣливаемся возвести очи наши къ Тебѣ! какъ не гнушаешься Ты, Пречистый, моленія и любви нашей! Сподобимся ли принять Божественное впечатлѣніе совершенствъ Твоихъ, созерцаніемъ ихъ? будемъ ли участвовать въ безпредѣльномъ блаженствѣ и въ славѣ Твоей, любя Тебя Единаго и радуясь о Тебѣ? О пре-

блаженныя души, разпоргшія оковы самолюбія и оппоргшіяся опъ всякія привязанности къ благамъ недостойнымъ вась,—души, коихъ поняпія просвѣщены Духомъ Святымъ, и коихъ воля научилась покаряться и предаваться волѣ Твоей, любящія Тебя превыше всего и всѣхъ людей, ради Тебя Единого! увѣренъ я, Господи, увѣренъ, что не могу никогда быть щасливымъ, доколѣ не умерщвлю и не истреблю порочныхъ плотскихъ спрасей моихъ, пока не обуздаю гордости и суетности духа моего, пока не возгнушаюсь мірскихъ забавъ и веселія и не признаю моего ничтожества. Но когда же обращу сердце свое къ Господу Іисусу Христу? когда прибѣгну къ Нему, да оправдаешь меня правдою Своею, да преобразишь душу мою въ Его Подобіе? Боже мой! Ты Единъ можешь содѣлать меня святымъ святостію Своею и примиришь меня съ Тобою—Творцемъ и Судіею моимъ, Божественнымъ и милосерднымъ ходайствомъ Своимъ! Не ужели я, познавъ превѣчное блаженство сіе, не достигну онаго? Духъ Твой Святой, возбуждѣвшій желанія шакovyя въ душѣ моей, оставишь ли оныя неудовлешворенными и не доведешь ли до соединенія съ Тобою—Спасителемъ моимъ? О Господи Боже! научи мя шворити волю Твою; ниспосли Духа Твоего, да ведешь меня въ пущахъ правды Твоей; оживи души мою ради Іисуса Христа — Сына Твоего, умершаго за меня грѣшнаго во спасеніе мое. О долготерпѣливый и милосердый Богъ! не отвергни швореніе рукъ Твоихъ. Пріими, спаси меня, о Спасъ моемъ!
